

УДК 342

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)-240-252

ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ

Сафронова Е. В., Шайрян Г. П.

В статье исследуется история самодержавия в России, время существования которого исчисляется с середины XVI в. и до начала XX в. Исключение составили незначительные периоды междоусобицы, лишь подтвердившие приверженность русского народа к единоличным формам верховной власти - княжескому единодержавию, окончательно сформировавшемуся в конце XV в. в Московском государстве, и к сменившему его царскому самодержавию, которое было упразднено 2(15) марта 1917 г. Исследование самодержавия осуществляется с привлечением обширного источниковедческого и историографического материала. Это обстоятельство позволило раскрыть правовую природу верховной власти российского монарха, выделить и описать ее свойства, показать исключительность государственно-канонического правового статуса ее царственного обладателя. Изучение самодержавия как правового феномена, отражающего самобытность политической власти в России, является важнейшим условием дальнейшего совершенствования современной модели российской государственности, которая сильно отличается от ее традиционного и привычного иерархического варианта с единоличной верховной властью. Примененный методологически новый цивилизационно-культурный подход открывает для этого широкие научные перспективы и предлагает еще неиспользованные практические возможности.

Ключевые слова: Российское самодержавие, форма верховной власти, Московское царство, Российская империя.

До недавнего времени российское научно-юридическое сообщество в основном сходилась на мысли о том, что государственная власть как одна из форм политической власти, ее частное проявление (41, с. 17) и ее ядро, является доминирующей и верховной. В более современной трактовке, государственная власть представляется как разновидность публичной власти и ее высшая форма, имеющая ряд своих особенностей и принципов (18, с. 320). Господство обладателя государственной власти, будь-то единоличный правитель или коллективный орган, способный подчинять себе волю других подвластных ему структур, достигается как добровольным повиновением подчиненных ему субъектов, так и методами их принуждения, которыми государственная власть располагает в соответствии с ее статусом власти верховной. Государственная власть обладает также исключительным правом на принятие нормативно-правовых актов, имеющих высшую юридическую силу и общегосударственное значение. Все сказанное квалифицирует государственную власть с позиций ее иерархического статуса и общеправовой конструкции, ее функциональных полномочий и правовых возможностей. По сути, здесь по-разному интерпретируется изложенное еще в веберовской концепции понимание власти, при котором отношения господства в государстве «рассматриваются по аналогии с отношениями в сфере частного предпринимательства» [23, с. 43]. Такой подход вольно или невольно унифицирует понятие о власти государства, а приоткрывая ее национальной оригинальности, хотя «У каждого государства своя особая власть...» [16, с. 133].

Многочисленные исследования самодержавия, в том числе, принадлежащие известным российским и зарубежным ученым, содержащие многочисленные исторические факты и события, предлагают образцы глубокой аналитики закономерностей

исторического процесса, но в силу особенностей предмета научного интереса историков, зачастую оставляют без внимания юридические аспекты эволюции российской государственности. Многие продуктивные в научном плане работы правоведов периода Российской империи, советского и постсоветского времени, посвященные исследованию истории отечественного государства и права в силу различных причин не были ориентированы на изучение цивилизационно-культурных и религиозных оснований формирования уникальной формы верховной власти в России. В результате упускалась возможность рассмотреть форму верховной власти в качестве традиционного и ключевого властного института отечественной государственности, которая определила форму Российского государства как в период Московского царства, так и Российской империи.

Дополняя уже имеющиеся работы по этой тематике, авторы статьи ставят своей целью раскрыть особенности российского самодержавия, выявив его содержание и юридическую природу.

История отечественного государства и права знает такие существовавшие до начала XX в. формы власти как вече, выборные земские власти, начало существования которым было положено губной реформой 1539 г. и указом 1556 г., земские соборы XVI – XVII в., органы дворянского сословного самоуправления, начавшие свою деятельность по указу 1766 г. [8, с. 344]. В 1864 г. создаются всесословные земские учреждения [45, с. 179] правовой статус которых был скорректирован в сторону усиления государственного контроля за их деятельностью в 1890 г. и 1892 г., а также отделенные от администрации и обособленные от общих судебных установлений мировые суды и органы сословного крестьянского самоуправления [21, 1687].

Верховная самодержавная власть, ставшая результатом многовекового исторического и правового опыта, занимает среди них определяющее место. Как правовой феномен, она сохранила в себе колоссальный традиционный потенциал тысячелетнего русского государства, имела свою длительную историческую традицию. В качестве формы верховной власти, самодержавие, несмотря на формальную схожесть с западноевропейскими системами королевской власти и Византийской империей, обладало особенностями, которые были присущи исключительно России. Самодержавие не было ни у кого не заимствовано, ни у греков, ни у норманнов, ни у монголов. Его историко-правовая характеристика как самобытного правового явления исключает избыточность его теоретического обобщения с другими формами монархической власти, поскольку лишает исследователя его достоверной научной оценки. Более того, заводит его в тупик. В стороне остается главное - понимание юридической природы верховной самодержавной власти, которая была неразрывным образом связана с цивилизационно-культурной эволюцией российской государственности, с тысячелетним религиозным мирозерцанием русского народа, при котором в силу христианского вероучения царская власть коронованного российского монарха воспринималась как Богоустановленная и наследственно-родовая. Вследствие этого, кроме власти главы государства, во-первых, у российского монарха возникало право на особый церковный статус, принадлежавший исключительно царской особе как Главе Церкви. Во-вторых, устанавливалась связь между семейной властью правящего суверена и публично-династическим интересом в законодательном регулировании порядка замещения Всероссийского Престола. В-третьих, формировалось

право на престолонаследие, имевшие агнатско-когнатическую юридическую основу, заметным образом повлиявшую на историко-правовой генезис единоличной верховной власти русских государей. Сначала на княжеское единоедержавие, которое с середины XVI в. трансформировалось в более совершенную форму верховной власти, в царское самодержавие, сохранявшееся в Российской империи до 2(15) марта 1917 г.

Понять уникальную юридическую природу самодержавия и исключительность государственно-канонического статуса его наследственного обладателя, возможно обратившись к тем широким возможностям, которые предлагает исследователям цивилизационно-культурный подход в правоведении (26, с. 31). По сути, он является развитием цивилизационного и социокультурного подходов, продолжением идей отечественных ученых Н.Я. Данилевского [9] и К.Н. Леонтьева (22), славянофилов, части евразийцев, а также зарубежных авторов, таких как П. Сорокин [35], Т. Парсонс [63], Р.К.Мертон [61], О. Шпенглер, Г.Риккерт [31] и их последователей А. Тойнби [66] и С.П. Хантингтона [58]. Заимствовав у них лучшее, цивилизационно-культурный подход дает возможность преодолеть нынешнее «прохладное» отношение к проблемам методологии в отечественной юриспруденции [39, с. 6]. В нем обоснованно совмещаются такие методологические инструменты социокультурного подхода как междисциплинарность в исследованиях общества и государства, а также неразрывность теории и практики при изучении правовых явлений в динамике их эволюции с теми преимуществами, которые дает цивилизационный подход, предполагающий акцентировать внимание ученых на системности, типологизации, устойчивости крупных объектов правового исследования в их связи с этническими, религиозными и геополитическими особенностями развития народов, что положительно сказывается на выработке типа государства и форме верховной власти.

Необходимость достоверного описания столь сложного правового феномена как самодержавие русских государей требует создания соответствующего научного глоссария. Многие термины в силу изменения исторических реалий или полностью утратили свое первоначальное значение, или в силу политических предпочтений советского и частично постсоветского периода стали пониматься и трактоваться исследователями неоднозначно, с совершенно различными пояснениями их историко-правовой семантики и этимологии, порой далекой от их первоначального значения и смысловой нагрузки. Эти соображения впрямую относятся к терминологии, применяющейся для изучения верховной власти, ее наследственного преемства, царско-церковных и династических правоотношений, поскольку «номенклатура понятий и терминов, используемая современным правоведением, не может полностью использоваться для изучения правовых явлений и процессов предшествующих стадий и эпох [37, с. 373]. Применить современный инструментарий правового исследования для оценки правовых явлений далекого прошлого крайне сложно [20, с. 160-168]. Кроме того, правовые традиции прошлых времен могут «создавать новое право которое толкуется таким образом, что блокируются все изменения» [6, с. 144]. Отсюда возникает непростая задача не только, по возможности вернее, отразить содержание юридической терминологии, которая ретроспективно употреблялась в минувшие эпохи, но и предложить более современное и научно выверенное разграничение историко-правовых дефиниций.

Исследования юридического смысла самодержавия в отечественной и в зарубежной историографии, хотя имеет в своей основе часто не совпадающие методологические подходы, предложить существенно отличающиеся друг от друга выводы оказываются не в состоянии. Интересы ученых скорее касаются поиска совпадающих черт, но не различий между королевским абсолютизмом и царским самодержавием с его самобытными цивилизационно-культурными корнями российской государственности. Значительная часть авторов продолжает смотреть на эволюцию верховной власти в России через призму вестернизации, не замечая того, что «культурная карта остается, по существу, той же, какой была до того, как западное общество начало свои экономические и политические завоевания» [42, с. 76]. В результате, ряд зарубежных авторов полагает, что «княжеский абсолютизм» имел место уже в XIV в. [57, с. 116] и полностью отождествляется с самодержавием [59, с. 239], игнорируя уникальность его историко-правового генезиса. Форму верховной власти в Российской империи именуют «русским абсолютизмом», ставя ее историческое развитие в зависимость от якобы опережавшей ее западной цивилизации, зачастую упоминая, что до реформ Петра I Россия была полуазиатской страной, заимствовавшей, то ли на Западе, то ли у монголов идею самодержавия и организацию государственных институтов [56, с. 227].

Впрочем, так думают не все зарубежные ученые. Есть и те, кто констатирует, что еще Древняя Русь была передовым государством [65, с. 16], где был учрежден ряд политических и социальных институтов, не имеющих аналогов в западном мире» [60, с. 369]. Некоторые ученые замечают, что Россия «представляла собой автономный мир, обращенный к себе самой, который обладал своим собственным культурным этосом и наследственным опытом позитивных исторических достижений» [54], в котором русский царь всегда оставался тем, кто определял цель и направление государственной политики [64, с. 207]. Меняется в зарубежной историографии и взгляд на абсолютизм как универсальную форму верховной власти, характерную как для западноевропейских средневековых монархий, так и для России. Особенно это стало заметно после появления на свет работ, авторы которых сумели показать, что, на самом деле, абсолютизма, как формы правления, которая предполагал юридическую безграничность верховной власти ее обладателя, в Европе *de facto* не было, за исключением краткосрочного исторического периода во Франции XVI-XVII вв., и то с рядом оговорок. Наиболее показательна в этом отношении работа Р.Хеншела «Миф абсолютизма» [55, с. 22-23]. Многие зарубежные авторы поддерживали его выводы, полагая, что западноевропейский абсолютизм являлся, по большей части, теоретическим предположением [62, с. 534-564; 53, 116].

Активное изучение историко-правовых аспектов верховной власти российского монарха среди отечественных юристов, началось со второй половины XIX – начала XX вв., но лишь немногие из них, как П.Е. Казанский, обращались к изучению свойств ее юридической природы [13], и как Н.А. Захаров пришли к выводу о существовании в системе русской государственной власти одновременно власти управления, законодательной и судебной властей, а также верховной самодержавной власти [10]. Вопрос о форме верховной власти и формы правления в период Московского царства, по сути, не менялся. Споры среди отечественных юристов в большей степени затрагивали существо верховной власти в Российской империи начала XX в. после принятия Основных государственных законов в их новой редакции в 1906

г., но зачастую сводились к выяснению вопроса о сохранении или утрате верховной властью ее неограниченности с момента созыва Государственной думы [19, с. 107].

В работах русских эмигрантов, которые были посвящены российскому престолонаследию как традиционному способу преемства самодержавия [12] и установлению порядка наследования престола после упразднения Российской империи [15], на самодержавие указывалось как на исторически сложившуюся форму правления в России, утверждалась необходимость взгляда на самодержавие венчаных на царство русских государей как на результат самобытной российской государственности с ее многовековым правовым опытом единодержавного княжеского правления и царского верховенства, источником которого является Божественное установление [11, с. 64]. Ряд ученых, которые придерживались консервативных взглядов на природу верховной власти и отстаивали мнение о том, что природа самодержавия осталась неизменной и после принятия ОГЗ 1906 г., обращали внимание на сохранившееся существенное отличие самодержавия от власти «чисто» государственной. Этот вывод они обосновывали обращением к сравнению ст. 1 и ст. 4 Основных государственных законов в редакции 1823 г. и 1906 г. соответственно, в которых наследственная власть российского монарха именовалось «верховой самодержавной властью Императора Всероссийского», законодательно отражавшей идею государственно-политической триады «официальной народности»: «Православие. Самодержавие. Народность» [44, с. 103]. Они обращали также внимание на то, что верховная власть российского монарха, по-прежнему, распространялась на область династических и царско-церковных правоотношений.

Феномен самодержавия как явления истории и права привлекал внимание российских ученых и в советский период, но с иной точки зрения. Им ставилась задача показать неизбежность эволюции российской государственности в силу господствовавшей формационной теории общественно-экономического развития в сторону ее социалистического настоящего и коммунистического будущего. Несмотря на привлечение большого исторического материала, опыт многолетних споров о характере и природе верховной власти в период Московского царства и Российской империи остался далек от своего разрешения. Марксистская концепция возникновения государства, абсолютизовавшая роль экономики и классовой борьбы, оказалась неподъемным политическим грузом, накрепко сковавшим творческое научное мышление большинства исследователей. Самодержавие было признано тождественным абсолютизму. Различие сводилось лишь к ряду российских особенностей, которые не выходили за рамки формационного подхода. Началась эта работа М.Н. Покровским с доказательства того, что абсолютизм являлся следствием разрушения феодального государства [29, с. 296]. Критиковавшие эту идею ученые, такие ученые как Г.Д. Алексеева [4, с. 47], П.Н. Милюков [24, с. 144] З.В. Мосина [25, с. 68], Б.Ф. Поршнев [30, с. 323], С.Д. Сказкин [33, с. 341], не сходились только в понимании исторических рамок существования абсолютизма и в подборе его признаков для России. Идею установления абсолютной монархии в России посчитали продуктивной и поддержали ее российские юристы Б.И. Сыромятников [36, с. 93] и С.В. Юшков [52], а также историки А.Я. Аврех [1, с. 82], А.Л. Шапиро [50, с. 69], М.П. Павлова-Сильванская [27, с. 217], С.М. Троицкий [43, с. 130], А.Н. Чистозвонов, мнение которого том, что в России господствовал азиатский тип абсолютизма, победило [49, с. 46]. Впрочем, ожидать иного, принципиально отличного результата было бы

опрометчиво. Ведь в этом случае, следовало отказаться от идеи нарастания классовой борьбы и необходимости революции, признав узурпацию законной власти наследственного российского монарха. Общей ситуации не изменило и появление в конце 70-х гг. XX в. исторических исследований о возникновении отечественного государства, которое не было напрямую связано с классовой борьбой и основывалось на традициях, «идущих из глубин восточнославянского, а затем и древнерусского общества», на которых «возникла своеобразная общинно-вечевая цивилизация на Руси XI – начала XIII столетий» [47, с. 504], ставшая основой княжеского единодержавия, а затем царского самодержавия. В большинстве учебников отечественной истории государства и права, во многих исследованиях формы правления в Российской империи в основном, речь идет о «формирования «национальной» модели абсолютистского государства» [38, с. 198], и самодержавие продолжает рассматриваться как разновидность западноевропейского абсолютизма.

Под общим термином самодержавие в российской историографии понимается несколько взаимосвязанных понятий. Во-первых, – самодержавие как форма верховной власти, которая сосуществовала в Московском царстве и Российской империи совместно с органами дворянского, местного (земского) самоуправления. Во-вторых, в отечественной историографии, а частично и в зарубежной, самодержавием называют исторически сложившуюся, религиозно обоснованную и законодательно установленную царскую власть российского монарха. Во-вторых, под самодержавием понимается главное ее свойство, существующее наряду с юридической неограниченностью, царским верховенством и священностью. В-третьих, – под самодержавием часто понимается форма правления, юридически установленная в Московском государстве вследствие венчания на царство Ивана IV в 1547 г. и фактически реализованная по завершению реформ 50-60 гг. того же столетия, которая имела свое продолжение в Российской империи. С небольшими историческим перерывами междуцарствия и Смутного времени, не сумевшими изменить правовую традицию единодержавия русских государей, самодержавие просуществовало до 2(15) марта 1917 г. В-четвертых, в историографических исследованиях воцарившийся государь зачастую именуется самодержцем, государство называется самодержавным, а власть монарха в силу закона определяется как верховная и самодержавная.

Самодержавие, таким образом, представляет собой исторически сложившуюся, религиозно обоснованную и законодательно оформленную, передающуюся по наследству, юридически неограниченную, «Верховную Самодержавную Власть Императора Всероссийского» и «Государя Императора»– особы священной и неприкосновенной, которому также принадлежала власть законодательная, власть верховного и подчиненного управления, судебная власть (32, с. 457), а также власть главы Церкви и главы династии на единой и нераздельной территории Государства Российского, юридически безответственным обладателем которой безраздельно являлся царствующий монарх. Ему же принадлежала и власть Державного Вождя Армии и Флота. Это означало, что российский монарх одновременно и совокупно персонифицировал в своей особе всю наследственную верховную власть. Отсюда и родственный как по лексическому значению корня, так и по юридическому содержанию, отражающему единоличное право обладания верховной властью, термин «самодержец» – то есть, вступивший на Престол и венчанный на Царство Всерос-

сийское наследственный монарх православного вероисповедания, располагающий суверенными правами и прерогативами воцарившегося государя, источником власти которого в силу христианского учения о царской власти и действовавшего закона являлось Божественное установление [32, с. 457].

Наилучшим образом она проявляется через ее свойства. Свойств этих четыре: наследственное самодержавие, юридическая неограниченность, царское верховенство и священность. Среди них наследственное самодержавие было наиболее важным и определяющим юридическую природу верховной власти в Московском царстве и Российской империи, поскольку «Самодержавием в современном русском государственном праве называется Власть, которая служит источником для всякой другой власти в государстве» [17, с. 155], является «основным догматом русского государственного права» [48, с. 1], его «основным и вполне бесспорным началом» [43, с. 63]. Зарождение правовой идеи самодержавия относится к периоду трансформации права условного пожизненного владения княжеским уделом в право «отчинного» наследия княжений» [46, с. 169]. Изменение правового статуса князя, бывшего временным удельным владельцем выделенной ему великим князем территории, в ее наследственного правообладателя-вотчинника сделало местного князя «самовластцем», у которого «появляются монархические черты в княжеской власти» [14, с. 56]. В процессе образования централизованного Московского государства вотчинное право наследственного землевладения, принадлежавшее великому князю, с 1547 г. становится царским правом единоличного наследственного обладания государственной территорией, неразрывно совмещенным с правом наследственного правления, которое впоследствии передается Императору Всероссийскому. Он продолжал распоряжаться, как и его предки в Московском государстве, «имениями частных лиц» [48, с. 1] со «всею безусловностью владельческих прав» [28, с. 207]. Исторически сложившийся правовой симбиоз государственного правления и наследственного обладания государственной территорией, на которую безраздельно распространялась верховная власть правящего монарха, был присущ исключительно российскому самодержавию как уникальной в этом отношении форме верховной власти. Уже по этой причине было бы опрометчиво поддерживать мнение о том, что идея самодержавия была или могла быть заимствована извне, не от библейской традиции царской власти, а от западноевропейских королей, власть которых во многом зависела от договорных начал земельного владения с крупными феодалами, или от византийских василевсов, никогда не имевших наследственных прав на обладание территорией Римской империи, а также от кочевых азиатов, на чем строятся различные варианты евразийской концепции российской государственности.

По сравнению с самодержавием, юридическая неограниченность не являлась оригинальным, поскольку любая верховная власть не ограничена во всех государствах [3, с. 173], но имела свои заметные отличия. Их следует искать в понимании того, что юридическая неограниченность российского монарха в своем практическом осуществлении 1) строго следовала законодательству, определявшему, что «Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке» [32, с. 459]; 2) в источнике верховной власти; 3) в исключительном государственно-каноническом правовом статусе ее верховного органа, каким для России являлся вступивший на престол самодержец. Согласно христиан-

скому учению о царской власти, заимствованному в законодательство Московского царства и Российской империи, источником власти правящего государя считалось Божественное установление [32, с. 457]. Это означало, что российский монарх не мог осуществлять верховную самодержавную власть без учета норм религиозной морали, канонических установлений и догматов православной веры с ее Евангельскими заповедями. Это также означало, что юридическая ограниченность самодержца в принципе не могла иметь места, поскольку «...всякое ограничение власти царя людьми освобождало бы его от ответа перед совестью и пред Богом. Окруженный ограничениями, он уже подчинялся бы не правде, а тем или иным интересам, той или иной земной силе» [41, с. 17]. Юридически неограниченный и безответственный российский самодержец не отвечал за свои решения и поступки перед подданными, оставаясь в силу христианской веры ответственным за сохранение и совершенствование христианской государственности лишь перед Богом.

Царское верховенство поднимало власть самодержца на недостижимую высоту по сравнению с другими формами власти, имевшими место в России, поскольку лишь российский самодержец обладал исключительным наследственным государственно-каноническим правовым статусом. Его обладатель подчинял себе не только высшую государственную власть, но и распространял его на царско-церковные и династические отношения, вследствие чего верховная власть российского самодержца имела более высокий статус, чем обычная верховная власть правящего государя. Своим идейно-богословским обоснованием царское верховенство имело христианское учение и «поставлялось законом в зависимость от Бога» [2, с. 10], что в условиях глубоко религиозного народного правосознания придавало царскому верховенству особую императивность и неоспоримую легитимность.

Священность, по сравнению с другими свойствами, характеризующими юридическую природу царской власти, хотя и стояла несколько особняком, но, несомненно, соотносилась как с христианским вероучением о царской власти, так и с русским государственным правом, поскольку сама царская власть «является институтом не только государственного, но и церковного права» [11, с. 174]. Единый и неразрывный взгляд на религиозную и юридическую природу царской власти как на священную, наряду с другими основаниями, формировал представления о ней как о суверенной, действующей по собственному праву и ни от кого, кроме Бога, не зависимую. Представления о царской власти как о священной, подтверждением чему служил установленный законом церковный чин священного коронования и миропомазания, с одной стороны, заметно легитимировали права и прерогативы занимающего престол монарха, поддерживая народную уверенность в их справедливости и наследственной династической законности. С другой стороны, устанавливали для царственного законодателя религиозно-нравственные пределы его волеизлияния, сообразные с духом христианской морали и православной веры.

Исключительный государственно-канонический правовой статус российского монарха представляет собой совокупность прав и прерогатив занявшего наследственный престол российского монарха православного вероисповедания, особы священной и неприкосновенной, характеризующийся юридической безответственностью и наличием титула Императорского Величества. Этот статус являлся исключительным и наследственным. Он имел религиозное обоснование и возник как

следствие длительной эволюции российской правовой традиции династического престолонаследия. Его существенным отличием являлось отсутствие у монарха юридических обязанностей, что указывало на особое положение наследственного самодержавного государя, ставившее его выше любых интересов любых лиц, групп, сословий и партий, и делавшего его независимым от них. В силу его правового статуса, принадлежавшие российскому монарху права безраздельно распространялись на область верховного и подчиненного управления, законодательства, суда и военное строительство. Монарх также являлся обладателем династических публично-семейных прав главы Императорского Дома, прав главы Церкви, которые распространялись на всю церковную деятельность за исключением прав на изменение церковных догматов.

Исследование правового феномена самодержавия с позиций цивилизационно-культурного подхода доказывает историко-теоретическую обоснованность его осмысления как уникального политико-правового властного института тысячелетней отечественной государственности, не изученного юридической наукой в достаточной степени. История возникновения и эволюции самодержавия как формы верховной власти, уходящая своим корнями в далекое прошлое, не является анахронизмом. Проведенный анализ формирования самодержавия, его свойств и юридической природы, раскрывший самобытность эволюции и содержания верховной власти в России, показал, что теоретико-методологический, историко-правовой и цивилизационно-культурный потенциал самодержавия, как высокоцентрализованного и единоличного способа государственного правления, многие века обеспечивавшего сохранение политического единства народов России с ее исторически сложившимся этноконфессиональным и религиозно-культурным разнообразием под эгидой государствообразующего русского народа на значительной по своему размеру территории, еще не исчерпан. Верховная власть как инструмент государственного правления, необходимого в условия громадной территории России, делают востребованными многие элементы традиционного института самодержавного властвования и единоличного управления при совершенствовании современной модели российской государственности.

Список литературы:

1. Аврех А.Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России [Текст] / А.Я. Аврех // История СССР, 1968. № 2. С. 82–104.
2. Айвазов И.Г. Религиозная правда русского самодержавия [Текст] / И.Г. Айвазов // Изд. 2-е. – Харьков: Типография Губернского Правления, 1907. – 19 с.
3. Алексеев А.С. Русское государственное право [Текст] / А.С. Алексеев. – М., 1892. – 473 с.
4. Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917–1923 гг.) [Текст] / Г. Д. Алексеева // АН СССР. Ин-т истории. – М.: Наука, 1968. – 300 с.
5. Артизов А.Н., М.Н.Покровский: финал карьеры – успех или поражение? [Текст] / А.Н. Артизов // Отечественная история. – 1998. – № 1. – С. 77–96.
6. Ван Хук М. Методология сравнительно-правовых исследований [Текст] / М. Ван Хук // Правоведение, 2013. – № 3 (308). – С. 121–147.
7. Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры [Текст] / А. Вебер. – СПб.: Университетская книга, 1999. – С. 15. (565 с.)
8. Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства [Текст] // Полное собрание законов Российской империи СЗРИ. – Собр. Первое. – Т. XXII. – № 16187. – СПб., 1830. С. 344.
9. Ланилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н.Я. Ланилевский. – СПб.: Издание Н. Страхова, 1895. – XLII, 629 с.
10. Захаров Н.А. Система русской государственной власти [Текст] / Н.А. Захаров. – Новочеркасск: Электро-Типография Ф. Туникова, 1912. – 390 с.
11. Зызыкин, 1924:174 Зызыкин М.В. Царская власть и закон о престолонаследии в России [Текст] / М.В. Зызыкин. – София: Типография «Новая жизнь», 1924. – 195 с.

12. Иоанн Панхайский (Максимович). Происхождение закона о престолонаследии в России [Текст] / М.Б. Максимович. – Панхай. Издание Русского просветительного Комитета в г. Панхай. 1936. Сайт «Монархист». – Режим доступа: <http://www.imperialhouse.ru/rus/monograph/monograph/1326.html>. – (Дата обращения 10.08.2021).
13. Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора [Текст] / П.Е. Казанский. – Одесса: Тип. «Техник», 1913. – XL, 960 с.
14. Кобрин, 1991; 56 Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) [Текст] / В.Б. Кобрин, А.Л. Юрганов // История СССР, 1991. – № 4. – С. 54–64.
15. Корево Н.Н. Императорский Всероссийский Престол. Наследование Престола по Основным Государственным законам: Справка по некоторым вопросам, касающимся Престолонаследия [Текст] / Н. Корево. – Париж: О-во объединения русских в Ницце, 1922. – 139 с.
16. Коркунов Н.М. Указ и закон: Исследования Н.М. Коркунова [Текст] / А.В. Коркунов / СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894. – VIII, 408 с.
17. Котляревский С.А. Юрические предпосылки русских Основных Законов [Текст] / С.А. Котляревский. – М.: тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1912. – С. 217.
18. Кузин Д.А. Публичная власть в Российской Федерации: понятие, принципы [Текст] / Д.А. Кузин // Ученые записки Орловского государственного университета, 2014. – №1 (57). – С. 317–321.
19. Лазаревский Н. И. Русское государственное право: в 2-х т. – Т. 1. Конституционное право [Текст] / Н.И. Лазаревский – Изд. 2-е. – СПб.: Типография Акционерного общества «Слово», 1910. – 479 с.
20. Лаптева Л.Е. Проблема адекватности сравнения в исследованиях по истории отечественного государственного права [Текст] / Л.Е. Лаптева // Методология сравнительно-правовых исследований. – М., 2013. – С. 160–168.
21. Лаптева Л.Е., Немытина М.В., Цыбик Ц.М. Земство и мировой суд в России: организация публичной власти на местном уровне [Текст] / Л.Е. Лаптева, М.В. Немытина, Ц.М.Цыбик // Былые годы. Российский исторический журнал, 2019. – № 54 (4). – с. 1679-1691.
22. Леонтьев К. Н. Дополнение к двум статьям о панславизме [Текст] / К.Н. Леонтьев // Восток, Россия и Славянство. Сборник статей. – Т. I. – М.: Типо-литография Н.Н. Кушнерова и К^о, 1885. – 323 с.
23. Меньшиков В.В. М. Вебер о власти [Текст] / В.В. Меньшиков // Человек. Сообщество. Управление. – КГУ, 2012. – № 1. – 41–48 с.
24. Милоков П.Н. Величие и падение Покровского [Текст] / П.Н. Милоков // Вопросы истории, 1993. – № 4. – С. 114–126.
25. Мосина З. В. К обсуждению проблемы абсолютизма [Текст] / З.В. Мосина // Историк-марксист, 1940. – № 6. – С. 68–72.
26. Немытина М.В. Самодержавие и судебные преобразования второй половины XIX – начала XX века в России [Текст] / М.В. Немытина // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – Курск: КГУ, 2014. – №9–2. – с. 85–103.
27. Павлова-Сильванская М. П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России [Текст] / М.П. Павлова-Сильванская // История СССР, 1969. – № 6. – С. 217-234.
28. Платонов, 2007; 207 Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории [Текст] / С.Ф. Платонов. – М., 2007.
29. Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов [Текст] / М.Н. Покровский. – Вып. 1. – М.–Л.: Соцгиз, 1933. – С.322–326.
30. Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы [Текст] / Б.Ф. Поршнев. – М.: Наука, 1964. – С. 323–326.
31. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре [Текст] / Г. Риккерт // Культурология XX век. Антология. – М., 1995. – С. 69–101.
32. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. – Т. XXVI. – Отд. 1. 1906 г. [Текст]. – СПб: Государственная типография, 1909. – 1157 с.
33. Сказкин С.Д. Проблема абсолютизма в Западной Европе (Время и условия его возникновения) [Текст] / С.Д. Сказкин // Избранные труды по истории. – М.: Наука, 1973. – С. 341–356.
34. Сокольский В.В. Русское государственное право [Текст] / В.В. Сокольский. – Одесса, 1890. – 334, X с.
35. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика [Текст] / П. Сорокин. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
36. Сыромятников Б.И., 1943; 93 Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология [Текст] / Б.И. Сыромятников. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1943. – Ч. 1. – 218 с.
37. Сырых В. М. История и методология юридической науки: учебник [Текст] / В. М.Сырых. – М.: Норма, 2012. – 463 с.
38. Талина Г.В. Утверждение династии: общественная мысль и государственная идеология о царской власти первых Романовых [Текст] / Г.В. Талина // Знание. Понимание. Умение, 2015. – № 3. – С. 195–207.
39. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки [Текст] / Н.Н.Тарасов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2001. – 264 с.
40. Тихомиров Л.А. Критика демократии [Текст] / Л.А. Тихомиров. – М.: Ред. журн. «Москва», 1997. – С. 531–665 с.
41. Тихомиров Ю.А. Социализм и политическая власть [Текст] / Ю.А. Тихомиров // Советское государство и право, 1974. – № 5. – С. 11-19.
42. Тойнби А.Дж. Исследование истории: в 3-х т. [Текст] / А.Дж. Тойнби. – СПб, 2006. – Т. 1. – 407 с.
43. Троицкий, 1969; 130 Троицкий С.М. О некоторых спорных вопросах истории абсолютизма в России [Текст] / С.М. Троицкий // История СССР, 1969. – № 3. – С. 130–149.

44. Уваров С. С. Государственные основы. [Текст] / С.С. Уваров //– М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 600 с.
45. Указ Правительствующему Сенату «Об учреждении судебных установлений и Судебных уставов» // ПСЗРИ. – Т. XXXIX. – № 41473. – С. 179.
46. Фроянов И.Я. Древняя Русь IX-XIII веков: народные движения, княжеская и вечевая власть [Текст] / И. Я. Фроянов. – М.: Русский издательский центр, 2012. – 1087 с.
47. Фроянов И.Я. О некоторых особенностях русской истории [Текст] / И.Я. Фроянов // МНЕМОН Исследования и публикации по истории античного мира. – Вып. 12: Из истории античности и нового времени. Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2013. – С. 503-521.
48. Черняев, 2011: Черняев Н.И. Русское самодержавие [Текст] / Н.И. Черняев. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 856 с.
49. Чистозвонов А.Н. Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма [Текст] / А.Н. Чистозвонов // Вопросы истории, 1968. – № 5. – С. 46–62.
50. Шапиро А. Л. Об абсолютизме в России [Текст] / А.Л. Шапиро // История СССР, 1968. – № 5. – С. 69–82.
51. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории [Текст] / О. Шпенглер. – М.: «Мысль», 1998. – 671 с.
52. Юшков С.В. Возникновение самодержавия при царе Алексее Михайловиче. Стенограмма лекции (на правах рукописи) [Текст] / С.В. Юшков. – М., 1945 // Сайт «История». – Режим доступа: <https://www.portal-slovo.ru/history/35687>. – (Дата обращения 8.08 2021).
53. Bendix, R. Kings Or People: Power and the Mandate to Rule. – Berkeley etc.: University of California Press, 1980. – 704 p.
54. Bassin M. Geographies of imperial identity// Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge history of Russia. Vol. II. P. 45-66.
55. Henshall N. The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy. – London: Longman, New York, 1992. – 245 p.
56. Hughes L. The Courts of Moscow and St Petersburg. 1547-1725 // The Princely Courts of Europe: Ritual Politics and Culture under the Ancien Regime 1500-1750. – London: Seven dials, 2000. – 313, il. p.
57. Hamburg G.M. Russian political thought: 1700–1917 // Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge history of Russia. –Vol. II. – Pp. 116–143.
58. Huntington S. P. The Clash of Civilizations? Foreign Affairs. – 1993. – Vol. 72. – No 3. – Pp. 22–49.
59. Lieven D. The elites // Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge history of Russia. – Vol. II. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – Pp. 227–244.
60. Madariaga I. Autocracy and Sovereignty. – Canadian-American Slavic Studies. – 1982. – Vol. 16. – No. 3–4. – Pp. 369–387.
61. Merton R. K. Social Theory and Social Structure. – New York: The Free Press, 1949. – 423 p.
62. Ostrowski D. The Facade of Legitimacy: Exchange of Power and Authority in Early Modern Russia // Comparative Studies in Society and History. – Vol. 44. – Iss. – 3. Jul. – Harvard University, 2002. – Pp. 534-563.
63. Parsons T. The Structure of Social Action. A study in social theory with special reference to a group of recent European writers. – L.: Collier-Macmillan Ltd. Canada, Toronto, Ontario: Fourth Printing, 1966. – 847 p.
64. Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600-1800. – New Haven: Yale University Press, 1983. – Pn. 707-717.
65. Tibor S. The Russian tradition. – London: Fontana press, 1988. – XIII, 591 с.
66. Toynbee A. J. A Study of History. – New York: Oxford University Press, 1947. – 646 p.

Safronova E.V., Shairyan G.P. Legal phenomenon of russian authority // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 240-252.

The article examines the history of autocracy in Russia, the time of its existence is calculated from the middle of the 16th century. and before the beginning of the twentieth century. The exception was the insignificant periods of the interregnum, which only confirmed the adherence of the Russian people to the sole forms of supreme power - the princely autocracy, which was finally formed at the end of the 15th century in the Moscow state, and to the tsarist autocracy that replaced it, which was abolished on March 2 (15), 1917. The study of autocracy is carried out using extensive source research and historiographic material. This circumstance made it possible to reveal the legal nature of the supreme power of the Russian monarch, to highlight and describe its properties, to show the exclusivity of the state-canonical legal status of its royal owner. The study of autocracy as a legal phenomenon reflecting the uniqueness of political power in Russia is the most important condition for the further improvement of the modern model of Russian statehood, which is very different from its traditional and customary hierarchical version with one-man supreme power. The methodologically applied new civilizational and cultural approach opens up broad scientific perspectives for this and offers still untapped practical opportunities.

Key words: Russian autocracy, form of supreme power, Muscovy, Russian Empire.

Spisok literatury:

1. Avrex A.Ya. Russkij absolyutizm i ego rol' v utverzhdenii kapitalizma v Rossii [Tekst] / A.Ya. Avrex // Istoriya SSSR, 1968. № 2. S. 82–104.
2. Ajvazov I.G. Religioznaya pravda russkogo samoderzhaviya [Tekst] / I.G. Ajvazov // Izd. 2-e. – Xar'kov: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, 1907. – 19 s.
3. Alekseev A.S. Russkoe gosudarstvennoe pravo [Tekst] / A.S. Alekseev. – M., 1892. – 473 s.

4. Alekseeva G. D. Oktyabr'skaya revolyuciya i istoricheskaya nauka v Rossii (1917-1923 gg.) [Tekst] / G. D. Alekseeva // AN SSSR. In-t istorii. – M.: Nauka, 1968. – 300 s.
5. Artizov A.N., M.N. Pokrovskij: final kar'ery – uspekh ili porazhenie? [Tekst] / A.N. Artizov // Otechestvennaya istoriya. – 1998. – № 1. – S. 77–96.
6. Van Xuk M. Metodologiya sravnitel'no-pravovy'x issledovanij [Tekst] / M. Van Xuk // Pravovedenie, 2013. – № 3 (308). – S. 121–147.
7. Veber A. Izbrannoe: Krizis evropejskoj kul'tury [Tekst] / A. Veber. – SPb.: Universitetskaya kniga, 1999. – S. 15. (565 s.)
8. Gramota na prava, vol'nosti i preimushhestva blagorodnogo Rossijskogo Dvoryanstva [Tekst] // PSZRI. – Sobr. Pervoe. – T. XXII. – № 16187. – SPb., 1830. S. 344.
9. Danilevskij N.Ya. Rossiya i Evropa: vzglyad na kul'turny'e i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu / N.Ya. Danilevskij. – SPb.: Izdanie N. Straxova, 1895. – XLII, 629 s.
10. Zaxarov N.A. Sistema russkoj gosudarstvennoj vlasti [Tekst] / N.A. Zaxarov. – Novocherkassk: E'lektro-Tipografiya F. Tunikova, 1912. – 390 s.
11. Zy'zy'kin, 1924:174 Zy'zy'kin M.V. Czarskaya vlast' i zakon o prestolonasledii v Rossii [Tekst] / M.V. Zy'zy'kin. – Sofiya: Tipografiya «Novaya zhizn'», 1924. – 195 s.
12. Ioann Shanxajskij (Maksimovich). Proisxozhdenie zakona o prestolonasledii v Rossii [Tekst] / M.B. Maksimovich. – Shanxaj, Izdanie Russkogo prosvetitel'nogo Komiteta v g. Shanxaj, 1936. Sajt «Monarxist». – Rezhim dostupa: <http://www.imperialhouse.ru/rus/monograph/monograph/1326.html>. – (Data obrashheniya 10.08.2021).
13. Kazanskij P.E. Vlast' Vserossijskogo Imperatora [Tekst] / P.E. Kazanskij. – Odessa: Tip. «Texnik», 1913. – XL, 960 s.
14. Kobrin, 1991:56 Kobrin V. B., Yurganov A. L. Stanovlenie despoticheskogo samodержaviya v srednevekovoj Rusi (k postanovke problemy) [Tekst] / V.B. Kobrin, A.L. Yurganov // Istoriya SSSR, 1991. – № 4. – S. 54–64.
15. Korevo N.N. Imperatorskij Vserossijskij Prestol. Nasledovanie Prestola po Osnovny'm Gosudarstvenny'm zakonam: Spravka po nekotory'm voprosam, kasayushhimsya Prestolonaslediya [Tekst] / N. Korevo. – Parizh: O-vo ob'edineniya russkix v Nitsze, 1922. – 139 s.
16. Korkunov N.M. Ukaz i zakon: Issledovaniya N.M. Korkunova [Tekst] / A.V. Korkunov / SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1894. – VIII, 408 s.
17. Kotlyarevskij S.A. Yuridicheskie predposylki russkix Osnovny'x Zakonov [Tekst] / S.A. Kotlyarevskij. – M.: tip. G. Lissnera i D. Sobko, 1912. – S. 217.
18. Kuzin D.A. Publichnaya vlast' v Rossijskoj Federacii: ponyatie, principy [Tekst] / D.A. Kuzin // Ucheny'e zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. – №1 (57). – S. 317 – 321.
19. Lazarevskij N.I. Russkoe gosudarstvennoe pravo: v 2-x t. – T. 1. Konstitucionnoe pravo [Tekst] / N.I. Lazarevskij – Izd. 2-e. – SPb.: Tipografiya Akcionernogo obshhestva «Slovo», 1910. – 479 s.
20. Lapteva L.E. Problema adekvatnosti sravneniya v issledovaniyax po istorii otechestvennogo gosudarstvennogo prava [Tekst] / L.E. Lapteva // Metodologiya sravnitel'no-pravovy'x issledovanij. – M., 2013. – S. 160–168.
21. Lapteva L.E., Nemy'tina M.V., Cybik Cz.M. Zemstvo i mirovoj sud v Rossii: organizaciya publichnoj vlasti na mestnom urovne [Tekst] / L.E. Lapteva, M.V. Nemy'tina, Cz.M. Cybik // By'ly'e gody'. Rossijskij istoricheskij zhurnal, 2019. – № 54 (4). – s. 1679-1691.
22. Leont'ev K. N. Dopolnenie k dvum stat'yam o panslavizme [Tekst] / K.N. Leont'ev // Vostok, Rossiya i Slavyanstvo. Sbornik statej. – T. I. – M.: Tipolitografiya N.N. Kushnereva i K0, 1885. – 323 s.
23. Men'shikov V.V. M. Veber o vlasti [Tekst] / V.V. Men'shikov // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. – KGU, 2012. – № 1. – 41–48 s.
24. Milyukov P.N. Velichie i padenie Pokrovskogo [Tekst] / P.N. Milyukov // Voprosy' istorii, 1993. – № 4. – S. 114–126.
25. Mosina Z. V. K obsuzhdeniyu problemy' absolyutizma [Tekst] / Z.V. Mosina // Istorik-marksist, 1940. – № 6. – S. 68–72.
26. Nemy'tina M.V. Samoderzhavie i sudebny'e preobrazovaniya vtoroj polo-viny' XIX – nachala XX veka v Rossii [Tekst] / M.V. Nemy'tina // Istoriko-pravovy'e problemy': novy'j rakurs. – Kursk: KGU, 2014. – №9–2. – s. 85 – 103.
27. Pavlova-Sil'vanskaya M. P. K voprosu ob osobennostyax absolyutizma v Rossii [Tekst] / M.P. Pavlova-Sil'vanskaya // Istoriya SSSR, 1969. – № 6. – S. 217-234.
28. Platonov, 2007: 207 Platonov S.F. Polny'j kurs lekcij po russkoj istorii [Tekst] / S.F. Platonov. – M., 2007.
29. Pokrovskij M.N. Istoricheskaya nauka i bor'ba klassov [Tekst] / M.N. Pokrovskij. – Vy'p. 1. – M.–L.: Socz'e giz, 1933. – S.322–326.
30. Porshnev B.F. Feodalizm i narodny'e massy [Tekst] / B.F. Porshnev. – M.: Nauka, 1964. – S. 323 – 326.
31. Rikkert G. Nauki o prirode i nauki o kul'ture [Tekst] / G. Rikkert // Kul'turologiya XX vek. Antologiya. – M., 1995. – S. 69 – 101.
32. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie tret'e. – T. XXVI. – Otd. 1. 1906 g. [Tekst]. – SPb: Gosudarstvennaya tipografiya, 1909. – 1157 s.
33. Skazkin S.D. Problema absolyutizma v Zapadnoj Evrope (Vremya i usloviya ego vznikeniya) [Tekst] / S.D. Skazkin // Izbranny'e trudy' po istorii. – M.: Nauka, 1973. – S. 341–356.
34. Sokol'skij V.V. Russkoe gosudarstvennoe pravo [Tekst] / V.V. Sokol'skij. – Odessa, 1890. – 334, X s.
35. Sorokin P.A. Social'naya i kul'turnaya dinamika [Tekst] / P. Sorokin. – M.: Astrel', 2006. – 1176 s.
36. Sy'romyatnikov B.I. 1943:93 Sy'romyatnikov B.I. «Regulyarnoe» gosudarstvo Petra Pervogo i ego ideologiya [Tekst] / B.I. Sy'romyatnikov. – L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1943. – Ch. 1. – 218 s

37. Sy'ry`x V. M. Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki: uchebnik [Tekst] / V. M. Sy'ry`x. – M.: Norma, 2012. – 463 s.
38. Talina G.V. Utverzhenie dinastii: obshhestvennaya my'sl' i gosudarstvennaya ideologiya o czarskoj vlasti pervy'x Romanovy'x [Tekst] / G.V. Talina // Znanie. Ponimanie. Umenie, 2015. – № 3. – S. 195–207.
39. Tarasov N.N. Metodologicheskie problemy yuridicheskoy nauki [Tekst] / N.N. Tarasov. – Ekaterinburg: Izd-vo Gumanit. un-ta, 2001. – 264 s.
40. Tixomirov L.A. Kritika demokratii [Tekst] / L.A. Tixomirov. – M.: Red. zhurn. «Moskva», 1997. – S. 531 – 665 s.
41. Tixomirov Yu.A. Socializm i politicheskaya vlast' [Tekst] / Yu.A. Tixomirov // Sovetskoe gosudarstvo i pravo, 1974. – № 5. – S. 11–19.
42. Tojnbi A.Dzh. Issledovanie istorii: v 3-x t. [Tekst] / A.Dzh. Tojnbi. – SPb, 2006. – T. 1. – 407 s.
43. Troiczkiy, 1969:130), Troiczkiy S.M. O nekotory'x sporny'x voprosax istorii absolyutizma v Rossii [Tekst] / S.M. Troiczkiy // Istoriya SSSR, 1969. – № 3. – S. 130–149.
44. Uvarov S. S. Gosudarstvenny'e osnovy'. [Tekst] / S.S. Uvarov //– M.: Institut russkoj civilizacii, 2014. – 600 s.
45. Ukaz Pravitel'stvuyushhemu Senatu «Ob uchrezhdenii sudebny'x ustanovlenij i Sudebny'x ustavov» // PSZRI. – T. XXXIX. – № 41473. – S. 179.
46. Froyanov I.Ya. Drevnyaya Rus' IX–XIII vekov: narodny'e dvizheniya, knyazheskaya i vechevaya vlast' [Tekst] / I. Ya. Froyanov. – M.: Russkij izdatel'skij centr, 2012. – 1087 s.
47. Froyanov I.Ya. O nekotory'x osobennostyax russkoj istorii [Tekst] / I.Ya. Froyanov // MNEMON Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira. – Vy'p. 12: Iz istorii antichnosti i novogo vremeni. Sbornik statej k 80-letiyu so dnya rozhdeniya prof. E. D. Frolova. – SPb.: Sankt-Peterburgskij gosudarstvenny'j universitet, 2013. – S. 503–521.
48. Chernyaev, 2011:1 Chernyaev N.I. Russkoe samoderzhavie [Tekst] / N.I. Chernyaev. – M.: Institut russkoj civilizacii, 2011. – 856 s.
49. Chistozvonov A.N. Nekotory'e aspekty` problemy` genezisa absolyutizma [Tekst] / A.N. Chistozvonov // Voprosy` istorii, 1968. – № 5. – S. 46–62.
50. Shapiro A. L. Ob absolyutizme v Rossii [Tekst] / A.L. Shapiro // Istoriya SSSR, 1968. – № 5. – S. 69–82.
51. Shpengler O. Zakat Evropy`. Ocherki morfologii mirovoj istorii [Tekst] / O. Shpengler. – M.: «My'sl'», 1998. – 671 s.
52. Yushkov S.V. Vozniknovenie samoderzhaviya pri czare Aleksee Mixajloviche. Stenogramma lekcii (na pravax rukopisi) [Tekst] / S.V. Yushkov. – M., 1945 // Sajt «Istoriya». – Rezhim dostupa: <https://www.portal-slovo.ru/history/35687>. – (Data obrashheniya 8.08 2021).
53. Bendix, R. Kings Or People: Power and the Mandate to Rule. – Berkeley etc.: University of California Press, 1980. – 704 p.
54. Bassin M. Geographies of imperial identity// Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge history of Russia. Vol. II. P. 45–66.
55. Henshall N. The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy. – London: Longman, New York, 1992. – 245 p.
56. Hughes L. The Courts of Moscow and St Petersburg, 1547–1725 // The Princely Courts of Europe: Ritual Politics and Culture under the Ancien Regime 1500–1750. – London: Seven dials, 2000. – 313, il. p.
57. Hamburg G.M. Russian political thought: 1700–1917 // Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge history of Russia. – Vol. II. – Pp. 116–143.
58. Huntington S. P. The Clash of Civilizations? Foreign Affairs. – 1993. – Vol. 72. – No 3. – Pp. 22–49.
59. Lieven D. The elites // Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge history of Russia. – Vol. II. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – Pp. 227–244.
60. Madariaga I. Autocracy and Sovereignty. – Canadian-American Slavic Studies. – 1982. – Vol. 16. – No. 3–4. – Pp. 369–387.
61. Merton R. K. Social Theory and Social Structure. – New York: The Free Press, 1949. – 423 p.
62. Ostrowski D. The Facade of Legitimacy: Exchange of Power and Authority in Early Modern Russia // Comparative Studies in Society and History. – Vol. 44. – Iss. – 3. Jul. – Harvard University, 2002. – Pp. 534–563.
63. Parsons T. The Structure of Social Action. A study in social theory with special reference to a group of recent European writers. – L.: Collier-Macmillan Ltd. Canada, Toronto, Ontario: Fourth Printing, 1966. – 847 p.
64. Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800. – New Haven: Yale University Press, 1983. – Pp. 707–717.
65. Tibor S. The Russian tradition. – London: Fontana press, 1988. – XIII, 591 c.
66. Toynbee A. J. A Study of History. – New York: Oxford University Press, 1947. – 646 p.